

Колдовские
ТАЙНЫ

В серии уже вышли:

ОЛЬГА КУНО
Тайна Темного Оплота

БРОНИСЛАВА ВОНСОВИЧ
Плата за одиночество

НАТАЛЬЯ КОСУХИНА
Чаромир

ИРИНА ЗВОЛИНСКАЯ
Наследники погибших династий

ДАРЬЯ КУЗНЕЦОВА
Песня Вуллей

ДАРЬЯ СНЕЖНАЯ, ЛЮБОВЬ РЕМЕЗОВА
Артефактика. От теории к практике

АННА ОДУВАЛОВА
Притворюсь твоей

ЛИНА АЛФЕЕВА
Тесса Громова. Смертельный ритуал

ИРИНА ШЕВЧЕНКО
Пока ты веришь

АННА КРУТ, ВАЛЕРИЯ ОСЕННЯЯ
Книжный клуб заблудших душ

ЛЕССА КАУРИ
Стрекоза для покойника

БРОНИСЛАВА ВОНСОВИЧ
Плата за наивность

НАДЕЖДА МАМАЕВА
Шепот буждающих песков

ЕЛЕНА МАЛИНОВСКАЯ
Улицы разбитых артефактов
Череп в холодильнике

**БРОНИСЛАВА ВОНСОВИЧ,
ТИНА ЛУКЬЯНОВА**
Скромная семейная свадьба

СЫСКАРЬ
ЧАРОДЕЙСКОГО ПРИКАЗА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К68

Разработка серийного оформления *В. Акулич*

Иллюстрация *С. Дудина*

Оформление *Л. Ласица*

Коростышевская, Татьяна Георгиевна.
К68 Сыскарь чародейского приказа / Татьяна Коростышевская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Колдовские тайны).

ISBN 978-5-04-088671-5

Нелегко женщинам в мужских профессиях, даже умным, даже талантливым, даже таким, как Евангелина Романовна Попович, чиновник восьмого класса сысского корпуса Берендийской империи. Особенно ежели работа твоя сыскарская в столичном чародейском приказе, а ты ни разу не чародей и даже не чародейка. А тут еще и червовый интерес нарисовался, кроме казенного. Потому как в начальниках у барышни Попович самый что ни есть великий берендийский волшебник Семен Крестовский, прекрасный, как античная статуя, и вредный, как съедобная булочка перед сном.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088671-5

© Коростышевская Т. Г., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА ПЕРВАЯ
В КОЕЙ ПРОВИНЦИАЛКА
ПРИБЫВАЕТ В СТОЛИЦУ

*Никакое бесполезное слово или ненужная речь
да не изыдет из уст твоих, всякий гнев, ярость,
вражда, ссоры и злоба да отдалится от тебя,
и не делай, не приготавливай никаких ссор: все,
что делаешь, делай с прилежанием и с рассуж-
дением, то и похвален будешь.*

*Юности честное зерцало,
или Показание к житейскому обхождению...*

Запах в комнате стоял мерзейший. Не запах даже, а вонь — смесь тухлятины, влажной земли, прелости и смерти. Городовой прошел, топоча сапожищами, разбрасывая сор на вытертый ворс прикроватного и прикаминного ковриков, распахнул окно. С улицы донесся гул ночного города, города, который никогда не спит, и прохладный воздух слегка разбавил зловонные миазмы.

Крестовский убрал от лица пропитанный ментоловой мазью платок и спрятал его в карман сюртука.

— Что скажете, Семен Аристархович? Недаром вас вызвали, по вашему ведомству дельце?

Обер-полицмейстер Петухов сиял, даже бакенбарды его, русые с проседью, будто светились. При его

немаленькой должности на дело выходить получалось крайне редко, а душа этого самого дела требовала постоянно. Андрей Всеволодович Петухов еще совсем недавно в чине полковника отдавал приказы служивым на границе Берендийской империи и в кресле оберполицимейстера свой боевитый нрав обуздать никак не мог.

— По моему, Андрей Всеволодович, ох, по моему.

Крестовский быстро оглядел помещение, освещенное дюжиной мощных полицейских фонарей. Труп находился на кровати. Крестовский его видел и больше смотреть не хотел. Зрелище было отвратительно в своей противоестественности. Дворник, которого хозяин меблированных комнат Попестов заставил взломать двери, до сих пор заикался на кухне, отпаиваемый чаем сострадательными половыми.

— Страсть-то какая, — бормотал он. — Сколько живу на свете, никогда такого не видывал! Раздулась, как жаба дохлая, а потом... лопнула... — И мелко-мелко крестился.

Попестов держался получше — деловито осматривал поврежденную дверь, шевелил губами, видимо, подсчитывая упущенные барыши:

— Не знаю, кто такова. Комнату снимала уж с лютаго, платила исправно, в книге записалась как вдова Жихарева купеческого звания. А у нас же знаете как, ежели денежка исправно вносится — мы к постояльцам в душу не лезем.

Допрос велся тут же, за столом, накрытым на двоих. Сыскарь Толоконников сдвинул в сторону бокалы, блюдо с устрицами, оплывшие до огарков свечи и установил прямо на скатерти небольшой самописец.

Толоконников дело свое знал, толстые пальцы бегали по клавишам с ошеломляющей быстротой.

— Хаживал к ней кто?

— Не мое это дело, — бормотал Попестов, — да только ходили. Разные господа, но все как один приличные да холеные.

— А описать ты мне их можешь, мил-человек? Вот, положим, поселилась твоя жиличка, обустроилась...

— Так и не обустраивалась она особо. Только для встреч комната эта ей нужна была...

Крестовский отвернулся. Протокол допроса он потом прочтет, со всем возможным вниманием. Он еще раз обвел взглядом комнату. Дешевый меблированный номер. Панцирная кровать, вешалка за ширмой, изо всех сил пытающейся выглядеть стильной, круглый обеденный стол, зеркальное трюмо с обтянутым вытертым бархатом пуфиком.

Женщина пришла сюда одна, около десяти вечера. Ее видел дворник, который помог ей поднять на второй этаж одежный кофр. Вон он, кофр, в углу, за ширмой, раскрыл створки, будто приглашая внутрь. Он пуст. Значит, женщина переделась. Ужин ей доставили около половины одиннадцатого. Она одарила полового грошиком за то, что лед под устрицами был свежим и не подтаявшим. Зажгла свечи...

Семен чуял магию, сильную, страшную, чужеродную. Он прикрыл глаза, восстанавливая в памяти все, что он уже успел увидеть на месте преступления.

Зажгла свечи... Подошла к трюмо, присела...

Крестовский опустил на пуфик, глядя прямо перед собой, потянул руку к пуховке. Нет. Гребень. Тоже не то!

Длинные пальцы перебирали безделушки, сваленные на полированной подставке. Зеркальце — грошо-

вая вещица: латунная оправа в виде крошечных паучков, дешевое напыление, уже пошедшее трещинами.

– Что-то обнаружили, Семен Аристархович? – Петухову было скучно, его деятельная натура требовала немедленной поимки и наказания преступника.

Крестовский поднялся:

– Судя по степени разложения тела, пострадавшая была убита в результате введения под кожу яда, по действию похожего на паучий. Может, медицинское дознание скажет нам больше. Но одно скажу точно: здесь был маг – чародей высочайшего класса, каких в нашем городе, да и во всей империи, по пальцам пересчитать можно. Вашим орлам я бы рекомендовал опросить соседей и работников, дабы выяснить личность всех господ, с которыми убитая здесь встречалась, и узнать, не было ли среди них чародеев.

– А вы? Батенька, вы же понимаете, целкоперы со всех сторон отступят. Такая сенсация! Завтра же во всех газетах будет.

– Мы со своей стороны будем добывать информацию о ядах, способных менее чем за сутки почти полностью разложить человеческое тело, а также предоставим разбойному приказу все данные о чародеях высочайшего уровня, находящихся сейчас в столице, – твердо проговорил Крестовский. – Время в любом случае уже потеряно, по горячим следам сделать ничего не удастся.

– А ваши-то добры молодцы когда подтянутся?

– С септеня первого числа весь чародейский приказ будет в вашем, ваше высокопревосходительство, полном распоряжении.

И статский советник Семен Аристархович Крестовский, откланявшись, покинул место преступления.

Петухов покачал головой: «Наглый мальчишка! Ужо попадись он мне годика два назад, да в гарнизоне, я б на нем живого места не оставил!»

— Толоконников! Проследи, чтоб все твои писульки до чардеев дошли.

— Так точно, ваше высокопревосходительство! — усердно проорал сыскарь, щелкнув под столом каблукми, и вернулся к допросу.

Комната пахнет жасмином и грехом. Тонкие-тонкие шторы колышутся от едва заметного сквозняка. На столе сверкает хрусталь, горят свечи, томятся серые раковины устриц на истаивающих ледяных подушках, вино дышит в открытой бутылки.

Ночь, женщина, шелк, предвкушение. Самой женщины мне не видно, я как будто нахожусь внутри ее, смотрю ее глазами. Мне видны изящные обнаженные руки, поправляющие кружево пеньюара, я ощущаю приятную ткань, томление, разливающееся внизу живота. Часы на каминной полке тикают. Два или три часа? Мне не видно. Раздается звук ксилофона или ветряных колокольчиков. Приятная механическая мелодия, но отчего-то она повергает меня в ужас. Женщина оборачивается к двери. Ее руки дрожат, покрытые мурашками. Она не боится, она возбуждена:

— Ну наконец-то!

Я не вижу посетителя. Так бывает во сне — только какой-то силуэт в дверном проеме. Женщина моргает, дрожит, ждет. Силуэт приближается, женщина раскидывает руки для объятий... В следующий момент она кричит от невероятной боли, от разочарования. Муха в паутине. Хелицеры, паучи жвала, с хрустом входят в нежную плоть. Вспышка. Крик. Темнота.

Вагон тряхнуло; я проснулась, стукнувшись правым виском об оконное стекло. Газетные листы зашелестели, слетая с коленей на пол. Жирный заголовок «Пауки-убийцы на тропе войны» оказался как раз сверху. Перфектно! Угораздило же меня заснуть в такое неподходящее время! Я же клялась себе только ночью спать, чтоб получить все возможные впечатления от первого в своей жизни путешествия! Сколько времени потеряно! Я взглянула на приколотые у корсажа часики. Два часа! Еще и слюни, наверное, во сне пускала...

Я украдкой оглядела других пассажиров. Никто на меня пальцами не показывал и вообще внимания не обращал. Кроме меня в крохотном купе путешествовала пожилая пара — Скворцовы, по виду купеческого звания, но неприветливые, как бирюки, и три нарядные, кто во что горазд, барышни. Невольно уловив обрывки их шушуканий, я знала, что девушки — провинциальные хористки, шансонетки, направляющиеся покорять столицу. Соседей мне подсадили недавно, а так я от самого Вольска наслаждалась свободой и одиночеством.

Дверь купе отъехала в сторону.

— Прибываем на станцию Поповка. Стоянка двадцать минут. Рекомендую пассажирам прогуляться по перрону. Далее до Мокошь-града состав проследует без остановок. — Вагонный оттарабанил текст как по писаному.

Мое «спасибо» разбилось о быстро закрывшуюся дверь. Видимо, проявлять вежливость в дороге было с моей стороны лишним.

Колеса протяжно завизжали. Состав остановился, гася скорость.

– Поповка! – проорал вагонный в коридоре и загремел металлом дверей и подножек.

Спутники мои поднялись с мест, засуетились, желая сколь возможно быстрее приступить к моциону на перроне. Угрюмый Скворцов, воспользовавшись случаем, быстро и незаметно для супруги облапил одну из шансонеток. Я сидела, ожидая. Не люблю суеты. Когда вагон опустел, я вышла в коридор, дощатый пол которого был грязен, а оконца – мутны. Билет второго класса позволил мне путешествовать вот с таким вот относительным комфортом. Матушка настаивала, чтоб ее чадушко Геля купила билет в первый класс, где подушечки сидений были мягкими и разносчики баловали богачей канапе и горячим чаем. Но чадушко, то есть я, видимо унаследовавшее прижимистость от покойного батюшки, предпочло сэкономить семейные финансы. Мне и второй класс немало обошелся. Потому что поезд – гнумский, стало быть – частный, стало быть – дорогой. На казенке доехать вполонину меньше бы вышло, но и времени бы вдвое больше потребовало – всем известно, что гнумы над своими поездами подколдовывают, оттого и скорость у них приличная, и поломок в дороге почти не случается. А в приглашении четко указано: «Явиться Е. Попович первого числа серпня по адресу Мокошь-град, улица Верхняя, дом Кресты». Кстати, адресок-то уточнить придется, а то как туда с вокзала добраться, я даже не представляю. И кто столь чудно дома-то обзывает? Дом Кресты! Нет чтоб номера по улице всем понамалявывать. И почтарям сподрука, и мне не заплутать. Мокошь-град – это же вам даже не Вольск, огромный город, столица.

Я свернула налево, в дамскую комнату, на удивление чистую и удобную. Там был рукомойник с полотенцами, зеркальце, прикрепленное над ним, и даже объемный несессер с гребнями, пуховками и разной швейной мелочовкой. Пользоваться вещами общего пользования в местах общего пользования я была не приучена, собственные мои туалетные принадлежности остались в багаже – непростительная оплошность, за которую я себя не раз еще укорю, – поэтому я просто положила очки на полочку рукомойника и поплекала в лицо водой, затем пригладила мокрыми руками растрепавшиеся в дороге волосы. Из зеркальца на меня смотрела барышня самой простецкой наружности: излишне круглолицая – неизвестно, от какого предка мне достались в наследство эти высокие скулы, но удружил он мне знатно, с острым подбородком, пуговкой носа, на которой умещалась дюжина веснушек, и глазами-плошками лягушачьего цвета. Я вздохнула. Ничего-ничего. С лица воду не пить. Тем более что в человеке наиглавнейшую роль играют не внешние, а внутренние качества. Коли бы я когда-нибудь замуж собралась, а в мои почти двадцать годков возможность этого приближалась к нулю, мой избранник был бы так же, как я, неказист, но прекрасен душой. А еще он разделял бы идеи суфражизма, кои я почитаю единственно верными.

Я надела очки, которые, по меткому замечанию маменьки, нужны мне были, как корове седло. Зрением я обладала превосходным, но решила, что барышне, чей цвет волос соперничает с цветом взбесившейся морковки (матушка и здесь не оставляла меня добрым словом), следует хоть каким аксессуаром подчеркнуть

свою деловитость. Потому как эта барышня ехала в столицу работать. И не певицей или белошвейкой, а...

Дверь туалетной комнаты прогнулась, будто в нее пытался вломиться медведь-шатун. Я повернула защелку и едва успела вжаться в стену, чтоб не получить увечий.

— Ну сколько можно там торчать? — крикнула гневно одна из моих попутчиц-хористок. — Битый час жду, когда освободится!

Я сочла ее поведение невежливым и попросту скандальным. Но мы, суфражистки, обязаны хорошо относиться ко всем женщинам без исключения. Ибо они — наши сестры во... Неважно, в чем, после придумаю.

А сестра моя «по полу» тем временем ввалилась в комнату, даже не позволив мне прежде выйти. «Сестра по полу» — как-то не очень... Суть передает, но звучит отвратительно. Надо будет еще подумать над терминологией. Я так и осталась стоять у стены.

Хористочка моей брезгливостью не обладала. Она раскрыла несессер, стала по очереди доставать флакончики, нюхать, душиться за ушами и на сгибах локтей, затем завладела картонкой с пудрой и стала обильно пудриться. Я чихнула.

— Звать как? — строго спросила барышня.

— Геля, — ответила я, давая в себе желание присесть в книксене, поскольку в тоне собеседницы мне послышались маменькины интонации, коим я противостоять не могла.

Хористка была хорошенькой — обладала той самой юной красотой, которую не могли скрасть ни вульгарные одежды, ни обилие краски на лице. Моложе меня, лет семнадцати, наверное. Но в ее карих глазах скво-

зила некая умудренность жизнью, которую я, девочка домашняя и залюбленная, приобрести в свои годы не успела. Барышня хмыкнула, имя мое одобряя:

– А меня – Жозефина.

Я тоже хмыкнула – востроглазая моя попутчица со своими смоляными кудряшками своему псевдониму очень соответствовала.

– Это не прозвание для сцены, – правильно расшифровав изданный мной звук, пояснила барышня. – У меня и в метрике так записано. Родители мои очень синематограф обожали.

– Жозефина и история коварного обольщения? – уточнила я.

Та кивнула.

– А как же тебя родители одну в дорогу-то отпустили, дитяtko?

– А чего такого?

– А того, что фильме этой лет пять от силы.

Жозефина дробно рассмеялась:

– Выкупила ты меня, лисица рыжая! Не мое это имя – Матреной кличут. Матрена Ивановна Величкина.

Она степенно поклонилась.

– Мещанского сословия, осьмнадцати годочков от роду. Еду в Мокошь-град в столичном театре пробы проходить. Ежели повезет, увидишь меня на сцене. Это ежели тебе повезет, билеты-то на представления недешевы.

Матрена-Жозефина была права. Если повезет... Но я не за театрами путешествую. Однако ее официальное представление требовало такого же обстоятельного ответа.

— Евангелина Романовна Попович, дворянского звания. Путешествую из Орюпинска Вольской губернии.

— За какой надобностью? А ну как тоже в театр поступать?

Я покачала головой:

— Сыскарем в разбойный приказ.

— В жандармы? Врешь! Не бывать тому, чтоб бабу в разбойный приказ оформили!

Матрена развернулась ко мне всем телом, только юбки ее многослойные взметнулись, пыль разгоняя, руки в бока уперла и давай на меня наступать с видом самым что ни на есть угрожающим.

Перфектно! Теперь барышня в ажитации, а я у нее в плену. И что при такой оказии делать предписано? На помощь звать?

— Вот те крест! — Я широко перекрестилась. — Только не в жандармы, те конные, а я... по сыскному ведомству буду.

— Не верю! — Барышня остановилась, но не от моих слов, а оттого, что идти ей было уже некуда, дальше начиналась я.

— Три года назад наш августейший монарх для всей империи Берендийской указ издал, что женщины наравне с мужчинами на благо Отечества трудиться допускаются. И нет по тому указу разницы, кто служит — мужик али баба, а принимаются в расчет только усердие да таланты.

Ну, тут я, конечно, слегка преувеличивала. Указ тот судьбоносный все больше на бумаге и оставался. Потому что одно дело документ написать, а другое — весь уклад жизненный для всего государства перекраивать. Но по мелочи двигалось дело, да. Трудно было